

## ВОКРУГ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

(Рец. на кн.: Белов В. Н. Современная западная философия /  
В. Н. Белов, Б. И. Мокин, С. М. Малкина ; под ред. проф.  
В. Н. Белова. – М. : Академ. проект, 2018. — 565 с.)

Л. И. Тетюев

*Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского*

Поступила в редакцию 28 ноября 2018 г.

Актуальность и своевременность выхода в свет данной книги не вызывает сомнений. Современную западную философию во всех ее многообразных формах и проявлениях сегодня принято определять как «неклассическую философию», как философию «постметафизического мышления», или, с подачи Ю. Хабермаса, как «послеметафизическую философию». Существенной ее особенностью является тот факт, что современный дискурс философии не может не выступать в качестве «открытого» для оценки возможностей самой философской аргументации, способной не только к критическому анализу исходных посылок и их коренному пересмотру, но и, в отличие от предшествующей классической традиции, к усовершенствованию своих программных установок.

Авторы изданной книги – профессиональные историки философии, преподаватели классических академических университетов: профессор В. Н. Белов (РУДН), профессор Б. И. Мокин, доцент С. М. Малкина (СГУ имени Н. Г. Чернышевского). В изложении историко-философского материала авторы строго придерживаются принципа историзма, поскольку считают, что только так можно преодолеть линейность во взглядах на развитие философии, отказаться от господствующего поэтапного изложения философской мысли, традиционно восходящего к гегелевской матрице, а затем и к программам марксизма и постмодернизма. По мнению авторов книги, истоки современной западной философии восходят ко времени разложения парадигмы классической философии, достигшей своего апогея в системе Абсолюта Гегеля и неогегельянства.

---

159

Дискуссионное обсуждение проблем неогегельянства дается в книге в контексте обширной перспективы его распространения в Англии, Италии, Германии и Франции (с. 104–123). Поэтому справедливо утверждение, что в этом направлении философская мысль развиваться дальше была не способна. Критическое отношение к философии Гегеля и стало в итоге «рубежным этапом» в становлении современной западной философии, и свой проект авторы начинают с анализа и изложения воззрений А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора (с. 9–31). Выбор авторов оправдан тем, что представление о современной западной философии не может быть

ограничено лишь горизонтом современности и главнейшими теоретическими течениями в философии XX века. Подобный подход не дает полного представления об их идейных истоках, за рамками изложения остаются важнейшие мотивы, порождающие исходные основания многих направлений философии – экзистенциальной философии, неореализма, религиозной иудейской и католической философии. Можно ли представить «философию жизни» как ведущее направление в западной философии XX века без обращения к творчеству Ницше и Дильтея (с. 155–172)? Идеи Ницше находят свое продолжение и в полемическом дискурсе философского постмодернизма (с. 472–545).

В XX веке европейский нигилизм дает мощный толчок для критического анализа рациональности. Прорвать «панцирь рационального» (Ф. Ницше) и вырваться на свободу из плена «неосознаваемых искажений» (З. Фрейд) становится возможным только с помощью тотальной и радикальной критики (деконструкции). Сегодняшний кризис интеллектуалов есть результат длительной дискредитации идеи суверенного разума и продолжительного игнорирования альтернативных возможностей философствования. Расширение «горизонта» современной философии возможно только за счет включения в сферу философской рефлексии тех исторических концепций, которые формировались в западной философии достаточно долго и воспринимаются как ее исходные основания и идейные «первоосновы».

В литературе последнего десятилетия XX века спор о том, кто философ современности – «Кант или Гегель?», проявляется в формулировке почти парадигмального ответа: «Не Кант и не Гегель», «и Кант, и Гегель». Прежний принцип преемственности воспринимается уже в качестве «идеологической цензуры» и анахронизма. И все же остается незыблемым факт, что философия со времен И. Канта сохраняет свою критическую возможность – возможность философской рефлексии, снимающей существующий парадокс противопоставления философского метода и философского знания в его априорной специфике. И уже очевидно, как и прежде, свою актуальность сохраняет проблема взаимоотношения истории философии и философии.

Вплоть до конца XX века считалось, что неокантианство является «перевернутой страницей» в истории философии. Сегодня происходит «переоткрытие» и возрождение неокантианской мысли. Неокантианство зарождалось еще в XIX веке в жарких дискуссиях с материализмом, психологизмом и позитивизмом, но достойно оно вошло в историю современной западной философии как значимое философское направление лишь в XX веке: неокантианство не просто стоит на пороге современности, но само осуществляет «инаугурацию» этой современности (Г. Эдель).

Глава о Марбургской и Баденской школах неокантианства (с. 64–103) написана известным специалистом по истории русского и немецкого неокантианства профессором В. Н. Беловым. Неокантианство представлено двумя основными школами: марбургской (Коген, Натторп, Кассирер) и баденской (Виндельбанд, Риккерт и Ласк). В широком значении

неокантианство – «пробный камень» многих философских направлений XX века, в том числе фундаментальной онтологии, феноменологии, философии культуры, философской антропологии.

Возрождающийся интерес к неокантианству (как в Германии, так и в России) свидетельствует о том, что сегодня человечество сталкивается с теми проблемами, которые во многом аналогичны проблемам рубежа XIX–XX веков, и опыт их решения в неокантианстве может оказаться совсем не лишним. Неокантианство, наряду с теоретическими вопросами кантовского критицизма и трансцендентализма, возрождает практическую философию Канта, этические и эстетические составляющие, относящиеся к различным сферам духовной деятельности человека, философии культуры и науки.

Профессор В. Н. Белов отмечает, что методологическим ориентиром в изучении марбургского неокантианства как единого философского сообщества является трансцендентальный метод и логика познания. Г. Коген, глава Марбургской школы, в своих книгах, посвященных теории опыта Канта, изображает трансцендентальный метод в качестве «движущей творческой силы всех идей Канта», претворяя его замысел в логике, этике и эстетике. П. Наторп стремится расширить сферу действия трансцендентального метода, раскрывая его положения в исследованиях человеческой культуры, общества и системы гражданского образования; в поле его философской рефлексии попадают проблемы нравственности, искусства и религии.

Э. Кассирер в рецензируемом издании представлен в качестве представителя второго поколения неокантианства марбургской школы. Он стоит у истоков теории символических форм и их применения в языке, мифе и познании. Для него философская критика разума должна быть критикой культуры, основанием которой выступает «первоначальное деяние духа», чем подтверждается его приверженность к символическому трансцендентализму. Философия языка Э. Кассирера есть своего рода проявление исходной сути кантовского идеализма, и в учебном пособии ее анализу отводится достойное место.

Как и марбургские неокантианцы, представители второй школы неокантианства, получившей название баденской, или южно-западной, понимают философию как теорию знания или опыта, но важнейшее значение отводят не естественно-научному, а историческому опыту. В. Виндельбанд и Г. Риккерт расширяют кантовский примат практического разума на область познания. По мнению Риккерта, ценностное отношение – изначально, поэтому невозможно уйти от различения доброго и злого, прекрасного и безобразного, истинного и ложного. Для него важным является активность личности и социальной сферы с ее плюралистическим принципом. По мнению немецкого философа, значимой ценностью является жизнь личности в настоящем.

Одним из ведущих направлений философии XX века является феноменология, которая не утратила своего влияния и в настоящее время. Профессор Б. И. Мокин и доцент С. М. Малкина смогли удачно обобщить

и представить гуссерлевское понимание философии: в современную эпоху господства научного знания философия должна быть строго научной. Гуссерль призывает выявить фундаментальные основы кризисного состояния европейского человечества, которые можно преодолеть только благодаря трансцендентальной феноменологии. В авторской интерпретации философия Гуссерля представлена как проект, не преследующий цели построения непротиворечивой системы, а скорее указывающий на методологические приемы, призванные сделать философию строгой наукой.

Интересна трактовка авторами книги феноменологии М. Мерло-Понти. Они характеризуют ее как экзистенциальное прочтение феноменологии. Согласно авторам учебного пособия, подобные мотивы можно наблюдать также и в философии М. Хайдеггера, Ж. П. Сартра, П. Рикера. Феноменология Гуссерля и Хайдеггера — части одного проекта, в которых по-разному расставлены акценты. Версия феноменологии Мерло-Понти строится на позднем гуссерлевском понятии «жизненного мира» и развитии феноменологического учения о восприятии. Идеи феноменологии применительно к анализу общества разрабатывает А. Шюц, предлагая свой проект нетрансцендентальной феноменологии, стремясь создать философский фундамент для социальных наук.

Необычную трансформацию трансцендентальной философии И. Канта сегодня предлагает К.-О. Апель; его философии в учебном пособии посвящен отдельный параграф (с. 546–552). Активистская парадигма интересубъективности, получившая программное подтверждение в качестве современной парадигмы в теориях универсальной (Ю. Хабермас), трансцендентальной прагматики (К.-О. Апель), ориентируется в основном на коллективные дискурсивные установления коммуникации, рассматривает их в качестве единственно приемлемой основы современной общественной и культурной модернизации. Непреходящая значимость прагматического, или лингвистического, «поворота» в XX веке именно в том и состоит, что он поставил вопрос о реабилитации практической философии, восходящей своими принципами обоснования к аристотелевской или к кантовской теории практического разума.

Важнейшее веление современности — необходимость пересмотра устоявшихся в прошлом философских догм и критическое отношение к существующим теориям. Подобное требование современности одними воспринимается как глубокий и затяжной кризис в философии, у других мозаичность и плюралистичность философского дискурса вызывают восхищение и надежды на будущее. Истоки подобного «нигилистического» взгляда на современную философию авторы рецензируемого издания традиционно усматривают в послегегелевской критике спекулятивной метафизики и приписывают критической мысли Ф. Ницше и М. Хайдеггера. Тональность современной дискуссии определяется все же хайдеггеровским замыслом интерпретации истории новоевропейской метафизики как выраженной натуралистической установки, отрицающей саму природу метафизического бытия. Однако важно отметить, что рекон-

струкция современной западной философии и ее традиции определяется изначально не столько полемикой ницшеанской или хайдеггеровской критики метафизики, сколько концептуальной дилеммой, возникающей вокруг формального определения самого дискурса современной философии: либо признать плюрализм и существование различных типов философской рациональности, либо существование различных форм философской саморефлексии оценить как проявление противоречивого единства.

В заключение следует повторить, что авторы учебного пособия, посвященного современной западной философии, проделали значительную и весьма плодотворную работу как в научном, так и в методическом отношении. Думается, что выход данной книги послужит новым импульсом для дальнейших научных исследований, споров и дискуссий вокруг проблем современной западной философии.

*Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского*

*Тетюев Л. И., доктор философских наук, профессор философского факультета*

*Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky*

*Tetuyev L. I., Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Philosophy*